

А 249
А 330.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИСТИКЪ
И
ИСКАТЕЛЬ БОГА
X—XI в. по Р. Х.

А. А. Семеновъ.

Р 1-77
13035

А. А. Семеновъ.

Мусульманскій мистикъ

и

ИСКАТЕЛЬ БОГА

X—XI в. по Р. X.

(Страничка изъ великаго прошлаго Закаспійскаго края).

КНИГА ИМЕЕТ
ДЕФЕКТ оригинала
и
ДЕФЕКТ ПЕРЕПЛЕТА

Печатается по распоряженію Г. Начальника Закаспійской области.

АСХАБАДЪ
Паровая Типографія газеты «Асхабаль».
1905.

Предисловіе.

Предлагаемый біографическій очеркъ посвящается одному изъ восточныхъ вѣроученій, зачатки и происхожденіе котораго до сихъ поръ остаются почти не выясненными, но дальнѣйшее развитіе котораго въ определенную стройную систему совершилось только въ исламѣ. Мы разумѣемъ *суфизмъ или орденичество*, это крайне замѣчательное проявленіе религиозной жизни мусульманскаго міра, основныя положенія котораго, какъ извѣстно, сводятся къ слѣдующему.

Адептъ, изучивъ и воспринявъ *Шарі атъ*, данный Богомъ людямъ религиозный законъ, вступаетъ на путь *Тариката*, путь непосредственнаго исکانія Бога, усѣанный всевозможными подвигами аскетизма, самоотреченія и некуса во имя Высшаго Идеала. Пройдя до конца этотъ опасный и трудный путь, стойко выдержавъ бремя подвиговъ и некушеній, послѣдователь суфизма вступаетъ въ третью и послѣднюю стадію своей религиозной жизни, онъ достигаетъ *Хакиката*, полнаго соединенія съ Петшою, блаженнаго состоянія, гдѣ прекращаются всякія страданія, гдѣ уничтожаются все плотскія вожделѣнія и страсти и гдѣ нѣтъ мѣста никакой самоличности, „самости“. Это слитіе съ Петшою, уничтоженіе себя въ Богѣ, и составляетъ высшій идеалъ суфизма.

Богъ,—Онъ же есть Высшая Истина, воплощеніе совершеннѣйшей Любви и Красоты,—по ученію суфіевъ, нераздѣленъ отъ міра, во всѣхъ созданіяхъ послѣдняго, какъ одушевленныхъ, такъ и неодушевленныхъ, проявляется Божество. Въ виду сего суфіи цѣнятъ всѣ красивыя вещи на свѣтѣ, какъ проявленія Бога на землѣ, и поклоняются красотѣ во всѣхъ ея видахъ: восторгаются луной, любятъ розу, цѣнятъ ея аромат и т. п.

Міръ, представляющій, по ученію суфіевъ, одно изъ проявленій Божества, отражаетъ только призрачныя свойства Бога, но отнюдь не служитъ выразителемъ всей полноты Его совершенствъ. Матеріальность міра есть лишь кажущееся проявленіе Бога, миражъ, обманъ чувствъ, созданный Богомъ для выраженія Его существованія, для отраженія Его въ реальномъ видѣ.

Познать Бога однимъ разумомъ невозможно, для этого необходимъ мистическій экстазъ, поэтому вино, какъ и всякое другое одуряющее свойство (круже-ніе, табакъ и др.), суфіи считаютъ однимъ изъ физическихъ свойствъ уничтоженія сознанія своего „я“, которое есть главный врагъ познанія Божества.

Главнымъ стимуломъ совершенствованія въ духовной жизни для каждаго суфія является его наставникъ и учитель, *пиръ*, который и ведетъ своего ученика по всему пути Тариката. Пиръ, по ученію суфіевъ, есть основа Тариката, ибо безъ наставника

никто и никогда не можетъ сдѣлаться суфіемъ. На каждомъ же изъ пировъ почіетъ преемственная благодать первыхъ провозвѣстниковъ суфизма*).

Хырка или грубое шерстяное рубище, передаваемое пирами ихъ достойнѣйшимъ ученикамъ какъ *милотъ* библейскихъ пророковъ, является символомъ той духовной благодати и нравственного совершенства, какими обладали носившіе это одѣяніе пиры. И изъ-за чести получить грязную, до невозможности заплатанную хырка того или другого знаменитаго пира, суфіи всегда горячо соперничали на поприщѣ аскетическихъ подвиговъ.

Какъ люди богобоязненные, постоянно занятые исканіемъ общенія съ Богомъ, суфіи проповѣдывали кротость и любовь ко всѣмъ людямъ и животнымъ, сочувствовали меньшей братіи, простому люду и часто, не стѣняясь, обличали высшіе классы въ корыстолюбіи и жадности.

Политическое могущество дервишества, которое склонны признавать очень многіе, едва ли можетъ быть достаточно обосновано. „Мюридизмъ“ на Кавказѣ, различныя „дервиши“, съ которыми такъ часто приходилось и приходится теперь имѣть кровавыя столкновения англичанамъ, а также нѣкоторыя восточныя династіи, основанныя суфіями, все это представляетъ въ сущности такія отклоненія отъ истиннаго суфизма, этой религіи мирныхъ искателей Бога, параллель

*) Одни изъ суфіевъ считаютъ основателемъ суфизма Мухаммеда, другіе — Авраама и т. п.

которымъ можно найти во властолюбивыхъ стремленіяхъ многихъ воинствующихъ прелатовъ христіанской религіи, по дѣяніямъ и наклонностямъ своимъ, конечно, весьма далекимъ отъ основныхъ идеаловъ христіанства. Это дервиши только по внѣшности, а не по жизни и убѣжденіямъ; ихъ Тарикатъ—исканіе удовольствій и радостей міра, Хакикатъ—осуществленіе своихъ заурядныхъ общечеловѣческихъ стремленій.

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ и наиболѣе типичныхъ представителей суфизма въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова является шейхъ Абу-Са'идъ, жившій во второй половинѣ X вѣка и первой половинѣ XI в. по Р. Х. Онъ является настолько недоукинною личностью, что и при жизни слава о его святости, учености и аскетическихъ подвигахъ гремѣла по всему мусульманскому міру. Простые смертные и сильные, и великіе міра сего добивались чести познакомиться съ нимъ и получить отъ него тѣ или другіе уроки духовной жизни; дервиши или суфій считали его при жизни и послѣ смерти недосягаемымъ идеаломъ дервиша въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. И, конечно, жизнь такого авторитета въ руководствѣ духовной жизнью, какимъ былъ Абу-Са'идъ, не можетъ не служить для насъ весьма характернымъ и типичнымъ образомъ жизни вообще дервина-суфія, этой неизбѣжной и весьма своеобразной фигуры на этнографической картинѣ мусульманскаго Востока:

Эпоха, въ которую жилъ Абу-Са'идъ, представляла особенный расцвѣтъ человѣческой мысли и духа. На поприщѣ Тариката въ это время подвизалось не мало знаменитыхъ мужей: провидецъ и чудотворецъ шейхъ Абуль-'Аббасъ-Кассабъ Амольскій, ученый и опытный руководитель въ духовной жизни 'Абдур-Рахманъ Сулемійскій, шейхъ Абуль-Фазль Серахскій и проч., а многоученый гений Авицена (Ибн-Сена), царь поэтовъ Фердоусій, Менучехри, 'Онсури и др. вѣнчали собою творческую мысль этой эпохи.

Знаменитый же въ этой исторіи Востока султанъ Махмудъ изъ Газны являлся въ это счастливое время тѣмъ баловнемъ судьбы, который помимо сладостей побѣтъ и завоеваній, считался также государемъ и многихъ властителей думъ и мысли.

Словомъ, это было время, подобное которому рѣдко повторяется въ теченіи культурно-исторической жизни народовъ. Этотъ размахъ человѣческой мысли, просвѣтленный обширными познаніями въ современныхъ той эпохи наукахъ, и произвелъ того широкообразованнаго идеалиста-мистика, какимъ былъ шейхъ Абу-Са'идъ, совершенный суфій, считавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ у современниковъ „многоученымъ авторитетомъ въ различныхъ наукахъ“.

Предлагая вниманію читателей, кажется, впервые появляющуюся по русски біографію Абу-Са'ида, мы должны замѣтить, что она не представляетъ собою самостоятельнаго, критически составленнаго по тѣмъ или другимъ источникамъ, произведенія. Въ основѣ

своей это почти дословный переводъ одного изъ сжатыхъ и въ тоже время довольно обстоятельныхъ жизнеописаній Абу-Са'ида, именно его біографіи изъ перваго тома, „*Намей-е-Данешверанъ*“ *), причемъ, во многихъ мѣстахъ для полноты картины, въ качествѣ необходимыхъ подробностей, дополнений и поясненій къ основному тексту-переводу, мы иногда включали въ послѣдній или приводили въ сноскахъ болѣе или менѣе обстоятельныя выписки изъ двухъ капитальныхъ изданій проф. В. А. Жуковскаго „*Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго. Персидскій текстъ*“ и „*Тайны Единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'ида. Толкованіе на четверостишіе Абу-Са'ида. Персидскіе тексты*“. (Обѣ книги изданы въ С.-Петербургѣ въ 1899 г.).

Въ этихъ книгахъ заключается такая яркая картина дервишской жизни, что, по нашему мнѣнію, даже самые обстоятельныя и подробныя трактаты о суфизмѣ, не дадутъ такого полнаго представленія объ идеалахъ и житьѣ-бытьѣ его послѣдователей, какъ эти два изданія, предпринятія по мысли проф. Жуковскаго.

Часто рабское слѣдованіе оборотамъ рѣчи подлинника, а иногда существенныя отклоненія отъ первоначальнаго текста, слѣданы намѣренно: съ одной стороны желательно было сохранить характер-

*) „Жизнеописанія ученыхъ, поэтовъ и суфіевъ“ Тегеранъ, 1296 г. Хиджры: 2 большихъ тома (на персидскомъ языкѣ).

ную восточную окраску стиля всего изложенія, а съ другой—тѣ или другія мѣста подлинниковъ, терявшія въ близкомъ переводѣ удобопонятность, мы стремились при сохраненіи ихъ основного смысла передать понятно и соответственно характеру перевода всей предлагаемой біографіи Абу-Са'ида.

Помимо упомянутыхъ нами книгъ мы пользовались также еще слѣдующими трудами, ссылки на которыя находятся въ нижесомѣщаемой біографіи Абу-Са'ида:

Атеши-Кедей-е-Азеръ („Храмъ огня“), біографіи персидскихъ поэтовъ (сост. Лѣтф-Али-Бекъ Испанскій. Бомбей: 1299 Хиджры).

Ферхенг-е-Джехангири, толковый словарь персидскаго языка, сост. Джемал-ол-Дин-Хусейнъ. Лукново, 1293 г. Хиджры: 2 т.

Борхан-э-Камъ, толковый словарь персидскаго языка, сост. Молла Мухаммед-Хусейнъ Тавризскій. Лукново: 1305 г. Хиджры, 2 т.

Веда'и-ол-Эши, образцовыя стилистическія произведенія, сост. Халке-Шемс-ол-Дин-Абдулла Морваридъ, секретарь султана Хусейн-Мирзы, сына султана Байкара. Принадлежащая мнѣ старая персидская рукопись, писанная великолѣпнымъ „насталикомъ“.

Нефахатъ-ол-Онс-мин-Хабрат-ол-Кодсъ („Вѣяніе вѣтра дружбы съ вершиной святости“), біографіи суфіевъ, сост. Джами. Калькутта: 1858 г.

„Военно-статистическое описание земель восточной части Хорасана“. Сост. Кан. Орановскій; 1896 г.

Расстоянія между тѣми или другими пунктами показаны на основаніи послѣднихъ маршрутовъ по Закаспійской области, объявленныхъ въ „Приказаніи по Закаспійской области и войскамъ въ оной расположеннымъ“ № 6 отъ 11 Января 1899 г.

Различныя подробности о современномъ состояніи нѣкоторыхъ историческихъ городовъ, упоминаемыхъ въ настоящей біографіи, внесены нами въ примѣчанія къ тексту или на основаніи личнаго знакомства, или по разсказамъ и рукописнымъ замѣткамъ художника К. С. Мишина, тѣломъ 1902 года посѣтившаго многія развалины Закаспійской области, когда то составлявшей часть Хорасана.

Въ заключеніе считаю своимъ нравственнымъ долгомъ принести свою благодарность за различныя цѣнныя указанія и разъясненія ученымъ персіанамъ: Сейиду Мегди изъ Испагани и бывшему руководителю одного изъ дервишскихъ *ханка* (монастырей), Хаджи-Календеру изъ Акры.

А. Семеновъ.

АСХАВАДЪ.

Абу-Са'ид-Фазл-Олла, сынъ Абул-Хайра,

служба украшеніемъ своего времени, по своему нравственному авторитету и обширности своихъ познаний былъ въ тоже время исключительною личностью въ средѣ послѣдователей отшельничества и богобоязненности¹⁾.

Его отецъ Абул-Хайръ былъ большой знатокъ и авторитетъ въ „Наукѣ о растеніяхъ“²⁾ и въ городѣ Газнѣ, гдѣ онъ болѣе всего жилъ, сановникъ

¹⁾ Т. е. суфіевъ.

²⁾ „Наука о растеніяхъ“ на Востоке трактуется не о ботаническихъ признакахъ растительнаго царства, а о томъ, отъ какихъ болѣе употребляется то или другое растеніе.

Въ „Тайнахъ Единенія“ (стр. 13), между прочимъ, говорится объ отцѣ Абу-Саида, что онъ былъ *антар* (антенаръ, парфюмеръ), человекъ праведный и благочестивый, свѣдущій въ наукахъ Шаріата и Хакиката и любитель бесѣды и общенія вообще съ дервишами-суфіями. Въ Мехенѣ онъ былъ навѣстенъ подъ именемъ Бабу-Бул-Хайра. Постоянное общеніе оти съ дервишами, повидимому, рано отразилось и на ребенкѣ, по всей вѣроятности часто бывавшемъ на религіозныхъ собраніяхъ суфіевъ. Повидимому, и материнское воспитаніе малолѣтняго Абу-Саида также было направлено къ тому, чтобы изъ него вышелъ такой же другъ дервишей, какимъ былъ его отецъ. Такъ разсказывается (*Ibidem*), что однажды вечеромъ Бабу-Бул-Хайръ собрался пойти къ дервишамъ, его жена неспросила взять съ собою также и ребенка—„Пусть каюръ дервишей упадетъ на него“, сказала она. Отецъ взялъ съ собою Абул-Хайра и привелъ къ дервишамъ. Когда послѣдніе начали пѣть духовные стихи, канторъ пропѣлъ слѣдующее четверостишіе:

Подлинно, Любовь есть подарокъ только дервишамъ,
Самопожертвованіе которыхъ за Любовь есть Любовь имъ покровительство.
Имѣни имени: самопожертвованіе свойственно молодежи,
Блага же міра и богатство не есть украшенія людей.

и министры султана Махмуда считались его друзьями, и часто его видели на шраках султана сидевшим рядом с последним. В такие дни безпредельного счастья и почета у Абул-Хайра родился сын²⁾, воспитанию которого он и посвятил себя. Достигнув отроческих лет, Абу-Саид приступил к изучению наук, сделавшись впоследствии в науках объяснения Шар'ата, в знаниях Хадисов и Законоведения таким сведущим, что другого, подобного ему, не бывало.

Вообще во всех отраслях знания и наук он был таким многоученым авторитетом и чудом своего времени, что все ученые, подвизавшиеся на поприщах различных наук, считали его опорой и основой последних.

Услышав это, дервиши возбудились и до утра вертели и писали под ибнэ этого стиха. А так как кантор много раз пропел стих, мальчик запомнил его и, придя домой, спросил отца, что означает содержание того стиха, услышав который дервиши так обрадовались.

— „Молчи, отвечал отец, все равно тебе этого не понять.“

И лишь много лет спустя, после смерти отца, сделавшись уже совершенным суфием, Абу-Саид постиг значение слышанного им в детстве четверостишия и, вспоминая слова отца по поводу последнего, часто говаривал: „да, Абу-Бул-Хайр, ты сам тогда не понял того, что слышал!“

²⁾ Автор „Тайны Единения“ (стр. 13) временем рождения Абу-Саида называет воскресенье месяца Мохаррема 337 г. Хиджры (967 г. по Р. X.), хотя, конечно, такая дата не может соответствовать тому, чтобы Абу-Саид родился при султане Махмуде Газневидском, ибо последний вступил на престол тридцать лет спустя после 337/967 года (387/997 г.). Приходится поэтому — если верить заявлению, что Абу-Саид родился во времена Махмуда, — отбросить эту дату как сомнительную. Или же, если она действительно, отнести рождение Абу-Саида ко времени царствования султана Себуктегина, отца Махмуда.

Но, достигнув вершин многоучености, Абу-Саид оставил занятия Шар'атом и пошел по дороге Тариката, дойдя впоследствии и до жилища Истины (Хакиката). Он забыл наслаждения вкусовыми ощущениями от изысканных блюд, избегать потребности в дружбе, сделался чуждым самому себе, всегда и во всем искал лишь одного счастья — единения с Богом, желая иметь общение с каждой из причин проявления Хакиката.

Разсказывают, что у отца его Абул-Хайра был обширный дворец, в залах и комнатах которого, на потолках и стенах, были изображения султана Махмуда и его сановников, ибо желая Абул-Хайр таким образом запечатлеть расположение к нему названных лиц, чтобы любовь его к ним и дружба с ними нашли себе место и в их сердцах.

Однажды Абу-Саид сказал своему отцу, что ему необходимо иметь отдельный дом. Знатный Абул-Хайр исполнил просьбу сына и купил для него дом, куда Абу-Саид и переселился из двора своего отца. Как-то желая повидать сына, отец посетил жилище последнего. Едва вступил он в дом, как его взоры упали на такие стеновые украшения, которыми Абул-Хайр был крайне поражен. Всюду, куда он обращал свое лицо, его глаза встречали коранские изречения: *Нить Бога, кроме Бога* или: *Да, это Он и нить никого, кроме Его*. Удивленный Абул-Хайр спросил своего сына:

— Неужели ты не знаешь другихъ изображеній, что приказалъ украсить такими изреченіями свое жилище?

— Можетъ ли быть, отвѣчалъ Абу-Са'идъ, что либо пріятнѣе для взора и лучше всякихъ украшеній, какъ вещественное напоминаніе о другѣ? Ты свои покои украсилъ изображеніями Махмуда и его придворныхъ, чтобы они, видя такое расположеніе къ нимъ, дарили бы тебя своимъ вниманіемъ и дружбою. Точно также и я украсилъ свой домъ этими святыми и великими изреченіями, чтобы запечатлѣть въ своемъ сердцѣ имя Господа, Которому я служу и поклоняюсь, дабы и Онъ когда нибудь оказалъ бы мнѣ свое милосердіе.

Пораженный доводами сына, Абу-Хайръ устыдился своего занесиванія предъ великими и сильными міра сего и въ тотъ же день приказалъ уничтожить въ своемъ дворцѣ все портреты и картины, предоставивъ свое сердце дѣламъ и поступкамъ старчества¹⁾.

Послѣ того, слѣдуя своему природному влеченію и поощряемый отцомъ, Абу-Са'идъ рѣшилъ посвятить себя изученію высшаго Богопознанія и съ этою цѣлью отправился въ Мервъ. Здѣсь онъ провелъ пять лѣтъ, занимаясь подлѣ руководствомъ Абд-Оллы Хуфійскаго и Косрфали Факыха.

¹⁾ Т. е. стать дервишемъ-суфіемъ.

Когда же онъ взялъ отъ этихъ двухъ шейховъ все то, что они могли ему сообщить, занялся подвижничествомъ, но видя, что пальма его надеждъ не принесла тѣхъ плодовъ, какіе онъ желалъ, и совершенство въ полученныхъ знаніяхъ не дало ему того, къ чему онъ стремился, — Абу-Са'идъ побрелъ въ Серахсъ²⁾.

Тамъ онъ день и ночь занимался изученіемъ толкованій Шарі'ата и юриспруденцій подъ руководствомъ Абу-Али-Факыха.

Однажды онъ приблизился къ кучѣ мусора, на которой сидѣлъ юродствующій суфій Локманъ. Увида Абу-Са'ида, Локманъ позвалъ его къ себѣ.

Но предоставимъ здѣсь слово самому старцу.

„Подойдя ближе, рассказываетъ Абу-Са'идъ, увидѣлъ я, что Локманъ разстелить свою кожу и при-

²⁾ Въ настоящее время существуютъ два Серахса. одинъ персидскій, другой русскій: оба—укрѣпленія и лежатъ на р. Тедженѣ, другъ противъ друга. Населеніе персидскаго Серахса, по словамъ кап. Орановскаго, состоитъ изъ 850 человекъ, изъ коихъ 750 арабовъ и 100 фарсовъ: въ административномъ отношеніи персидскій Серахсъ входитъ въ составъ Мешедскаго округа. Русскій Серахсъ (съ населеніемъ въ 125 человекъ безъ войскъ) служитъ административнымъ центромъ Серахскаго приставства Тедженскаго уѣзда и лежитъ подлѣ развалинъ стараго Серахса (на правомъ берегу рѣки Теджена) о которомъ и идетъ въ нашемъ разсказѣ рѣчь.

Ближайшая станція Средне-Азіатской желѣзной дороги—„Тедженъ“, въ 122^{1/2} верстахъ по почтовому тракту.

ниваетъ къ ней заплата⁴⁾). Я простоялъ передъ нимъ нѣсколько времени, какъ онъ, поднявъ голову, посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

—Абу-Са'идъ, я сжегъ жатву твоего эгоизма и вмѣстѣ съ заплатой пришилъ тебя къ этой кожѣ⁵⁾.

Затѣмъ поднялся, взялъ меня за руку и мы отправились вмѣстѣ. Когда дошли до жилища пира Абул-Фазла, Локманъ окликнулъ послѣдняго, прося его выдти на улицу. И когда Абул-Фазль вышелъ изъ дому, Локманъ сказалъ ему:

—Возьмите этого юношу, онъ — вангъ! И, проговоривъ это, поручилъ меня пиру и ушелъ⁶⁾.

⁴⁾ Обычное одѣяніе дервишей—„меджзубовъ“ (т. е. иступленныхъ, пришедшихъ въ восторгъ, омыленныхъ божественною любовью) двѣ овечьихъ шкуры. Изъ коней одна прикрываетъ передъ, а другая задъ, и только, эти овчины скрѣплены между собою нитками, а чтобы онѣ не сползали съ тѣла ихъ поддерживаетъ поясъ. Очень часто прикрытіемъ наготы служить лишь одна овчина, обернутая вокругъ талии и подвязанная веревкою.

⁵⁾ Т. е. „отнимай у тебя будетъ уничтожено всякое проявленіе себялюбія и все, что связано съ нимъ и отнимай ты будешь составлять одно нѣкое съ нами, дервишами“.

⁶⁾ Этотъ Локманъ Серахскій не былъ безумнымъ отъ рожденія. Въ началѣ онъ проходилъ обычное служеніе Богу, какъ и всѣ прочіи суфій. Его внезапное юродство, естественно, удивило знавшихъ его дервишей и когда они спрашивали его, что съ нимъ случилось, онъ объяснялъ это такъ:

—Чѣмъ больше бы я служилъ Богу, тѣмъ болѣе следовало бы мнѣ страдать и потому я воззвалъ: „Боже, когда рабы земныхъ царей достигаютъ степени нировъ, цари отпускаютъ ихъ на свободу: Ты же—царь самый могущественный, служи Тебѣ, я стать ниромъ, поэтому освободи и Ты меня!“ И я слышалъ голосъ: „Локманъ, я освободилъ тебя“. И знакомъ этой свободы было то, что разумъ покинулъ Локмана.

По повелю этого Абу-Са'идъ часто говорилъ, что Господь востанетъ Локмана вѣкъ всего дозволеннаго и запрещеннаго. Вообще Абу-Са'идъ высоко ставилъ этого юродиваго суфія, такъ, на цроростъ: кто въ Серахскѣ са-

Пиръ Абул-Фазль взялъ меня за руку и повелъ въ *ханка*⁷⁾. Тамъ онъ посадилъ меня подлѣ себя, взялъ въ руки книгу и посмотрѣлъ въ нее. Я же, какъ это въ обычаѣ у ученыхъ людей, заинтересовался было узнать, что написано въ книгѣ.

Пиръ Абул-Фазль, угадавъ мою мысль, произнесъ:

—Пророки посылались въ міръ лишь для того, чтобы возвѣстить одно: *есть Богъ и нѣтъ Ему подобнаго!* И человекъ, избѣгающій Бога, ни къ чему не способенъ, не постигаетъ премудрости книжной и никогда не достигнетъ соединенія съ Истиною.

И какъ только я услышалъ эти слова пира, мнѣ открылся весь міръ и я не могъ всю ночь сомкнуть глазъ. На утро я, какъ и всегда, уже былъ на урокъ предъ Абу-Али-Факіяха. Когда собралась ученики, то начали читать слѣдующій стихъ Корана: *скажи: Богъ! А затѣмъ предоставь имъ заниматься своимъ празднословіемъ*⁸⁾.

мной совершенный или людей? Абу-Са'идъ не задумываясь отвѣчалъ: „Локманъ, но онъ святъ и чистъ отъ всего потому, что ни къ чему не прилаганъ ни въ этомъ мірѣ, ни въ будущемъ, и въ этомъ отношеніи съ нимъ ничто не можетъ сравниться въ цѣломъ свѣтѣ (т. е. вслѣдствіе его безумія для него безразлична и эта жизнь, и загробная со всѣми ихъ сторонами)“.

Ферид-ад-Динъ Локманъ Серахскій умеръ и погребенъ въ Серахскѣ, гдѣ надъ его могилой были воздвигнуты мавзолей—мечеть. На этомъ мазарѣ впоследствии были начертаны фирманъ на званіе пира или шейха (فشان شیخی) суфію Хатке-Джелал-ад-Дину, шейху Баизиду Мехенейскому. („Тайны Влшней“, стр. 23 и 238, а также „Нефахат-ад-Онс“ стр. 334—340 и Белжиг-ад-Динна, листъ 62—63).

⁷⁾ Жилище дервишей, монастырь суфіевъ.

⁸⁾ Сура 0, стихъ 01.

Когда я услышалъ этотъ стихъ, то сдѣлался внѣ себя. Пиръ Абу-'Али, посмотрѣвъ на меня, очевидно замѣтилъ мой не совсѣмъ обычный видъ, ибо по окончаніи занятій, когда всѣ ученики разошлись, пиръ спросилъ меня, что со мной случилось?

Я разсказалъ, какъ я былъ вчера у Абул-Фазла.

—Встань, сказалъ Абу-'Али, и отправляйся туда, ибо здѣсь тебѣ не мѣсто. Пребываніе же тамъ не останется для тебя безплоднымъ.

Я всталъ и пошелъ къ пирѣ Абул-Фазлу. Когда послѣдній увидѣлъ меня, то произнесъ слѣдующее двустипіе:

—Не зная, что ожидаетъ тебя впереди, ты смущенъ.

Берегись, какъ-бы твое стремленіе не уменьшилось у тебя.

Я сказалъ:

—Я жду приказаній пира.

—Иди въ ханка и сядь тамъ; тотъ стихъ, который ты услышалъ, старайся не забыть и вообще, находясь въ ханка, больше размышляй, приказалъ мнѣ пиръ.

Я жилъ въ ханка Абул-Фазла, разсказываетъ о себѣ шейхъ Абу-Са'идъ, и все, что приказывалъ мнѣ пиръ, я исполнял¹¹⁾. И вотъ однажды пиръ Абул-Фазль сказалъ мнѣ:

¹¹⁾ Къ этому главному своему руководителю въ духовной жизни Абу-Са'идъ всю жизнь сохранялъ безграничное уваженіе и по смерти Абул-Фазла свято чтить его память, приказывая своимъ ученикамъ, — въ случаѣ желанія съ ихъ стороны совершить паломничество въ Мекку, — посѣтить мѣсто этого могилу шейха Абул-Фазла и семь разъ обѣжать вокругъ нея (по примѣру извѣстнаго религіознаго обряда мусульманъ у камня Ка'абы въ Меккѣ) („Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида, стр. 15“).

—Теперь ты обладаешь несомнѣнными качествами суфія и потому или въ Мехене¹²⁾ и подвергни тамъ себя искусу одиночества¹³⁾.

Я послѣдовалъ приказанію пира и вернулся въ Мехене, гдѣ и провелъ семь лѣтъ въ уединеніи, заложивъ себѣ уши ватой и занимаясь молитвою. И всякій разъ, когда сонъ или суета міра одолѣвали меня, нѣкто черный съ огненнымъ копьемъ, выходилъ изъ *мехраба*¹⁴⁾ и его голосъ „скажи, есть Богъ!“ поражалъ мой слухъ.

Разсказываютъ, что находясь въ уединеніи, Абу-Са'идъ не имѣлъ на себѣ никакой одежды, кромѣ шерстяной рубашки. Во времена проявленія близости своей къ Богу, онъ разрывалъ ее на мелкія части. Всегда соблюдалъ постъ и лишь ночью вкушалъ немного пищи. Въ сутки спалъ весьма мало и всегда былъ чистъ.

¹²⁾ Также Мейхене. Мехне и Мехне (послѣднее по произношенію большинства современныхъ персіанъ) Развалины этого города находятся верстахъ въ 6—7 отъ туркменскаго селенія Меана (въ Атекскомъ приставствѣ Тедженскаго уѣзда) и въ 34—35 верстахъ отъ ближайшей станціи Средне-Азіатской желѣзной дороги „Душакъ“. Изъ древнихъ зданій наиболѣе сохранились двѣ мечети съ весьма изящными изразцовыми орнаментами. Въ одной изъ мечетей—яма, закрытая матерією. Это, по преданію, могила Шейха Абу-Са'ида, память котораго свято почитаютъ мѣстные туркмены.

Въ древности Мехене вмѣстѣ съ Рохидъ и Чехча образовывало область Хаверанъ, составлявшую часть Хорасана (Мининъ, «Борхан-э-Катъ» и „Атеш-Кадайэ-Дзер.“).

¹³⁾ Приказаніе пира Абул-Фазла было расчитано на особенную трудность этого подвига, ибо онъ обрекать молодого Абу-Са'ида на затворничество въ такомъ мѣстѣ, гдѣ жило много его родныхъ, друзей и знакомыхъ.

¹⁴⁾ То мѣсто въ мечети, гдѣ молла читаетъ молитвы, обратясь лицомъ къ Меккѣ.

Его отецъ Абул-Хайръ рассказываетъ о немъ слѣдующее:

„Я его связывалъ въ домѣ и выкидалъ, пока онъ заснетъ. И когда онъ склонялъ свою голову, то я, полагая, что онъ спитъ, тоже шелъ спать. Но, просыпаясь ночью, я не заставалъ Абу-Са'ида на его мѣстѣ. Вставалъ, искалъ его по комнатамъ и не находилъ. Когда же наступало утро я его опять видѣлъ на своемъ мѣстѣ.

Однажды ночью я не спалъ, прислушиваясь ко всему. Въ полночь, не снимая съ себя цѣпи, которою онъ былъ связанъ, Абу-Са'идъ вышелъ вонъ изъ комнаты, потомъ и изъ дома. Я потихоньку послѣдовалъ за нимъ. Абу-Са'идъ дошелъ до одного стараго *рабата*¹⁵⁾, гдѣ была мечеть, отворилъ въ нее дверь и вошелъ во внутренность, приперевъ за собою дверь деревомъ. Я сталъ наблюдать за нимъ въ одно изъ отверстій. Онъ сталъ на молитву и до самаго утра молился Богу. Видя его въ такомъ положеніи, я вернулся домой и легъ спать. Днемъ же, по обычаю, нашелъ Абу-Са'ида въ домѣ. И сколько ночей я не наблюдаю за нимъ, онъ продолжаетъ такъ поступать. Убѣдившись, что связыванье его съ цѣлью лишенія свободы дѣйствию ни къ чему не приведетъ, я снялъ съ него цѣпи и предоставилъ ему дѣлать что угодно“.

¹⁵⁾ Работомъ въ Средней Азіи называется каравансарай, гостиница при дорогѣ. Въ бывшее время процвѣтанія страны работы строились на каждой станціи многочисленныхъ караванныхъ путей, въ нихъ находили на ночь пріютъ торговые караваны и проѣзжавшіе по дорогамъ путники.

Рассказываютъ, что когда онъ испытывать въ чемъ либо затрудненія, то сибилтъ къ своему наставнику, Абул-Фазлу, въ Серахсъ, въ одинъ мигъ переносясь туда по воздуху. Нѣкто Ахмель, ученикъ шира Абул-Фазла, видѣлъ это чудо и сказалъ своему учителю, что Абу-Са'идъ переносится изъ Мехене въ Серахсъ по воздуху.

— А ты видѣлъ это? спросилъ Абул-Фазль.

— Да, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ знай, сказалъ Абул-Фазль, ты за это слѣбнымъ покинешь этотъ міръ.

И Ахмель дѣйствительно до конца своихъ дней пересталъ видѣть.

Получивъ же необходимыя разъясненія и указанія отъ шира касательно своихъ сомнѣній и затрудненій, Абу-Са'идъ опять возвращался въ Мехене¹⁶⁾.

¹⁶⁾ Передаю это по „Тайнамъ Евронія“ (стр. 353 въ „Нахей-е-Данеш-веранъ“) рассказывается, что свидѣтелемъ необыкновеннаго путешествія Абу-Саида изъ Мехенейскаго уединенія въ Серахсъ былъ одинъ изъ его учениковъ, который однажды публично раздѣлился о тайнѣ Абу-Саида. Неволею этихъ Абу-Саидъ горько упрекнулъ своего ученика и поразилъ его слѣпотою.

Отлаю предпочтеніе „Тайнамъ Евронія“ потоку, что едвали у холодога Абу-Саида, состоящаго послушнымъ ученикомъ Абул-Фазла и по принадлежности послѣдняго проходившаго различные искусы, могли въ это время быть свои ученики. Не постыливо онъ еще былъ опытенъ въ духовной жизни, чтобы руководить другимъ.

Что касается разстоянія между Серахсомъ и Мехене, то оно равняется до верстахъ по тому кратчайшему пути, который пролегаетъ нынѣ между этими пунктами, именно: отъ развалинъ стараго Серахса въ персидскій Серахсъ, откула итеть по Персіи до того мѣста, гдѣ р. Шурухъ (Кара-Руханъ) пересѣкаетъ русско-персидскан границу. Отсюда дорога пролегаетъ по русскимъ владѣніямъ (Атревское приставство Тедженскаго уѣзда) чрезъ

Наконецъ Абул-Фазль вызвалъ къ себѣ изъ Мехене Абу-Са'ида и когда тотъ прожилъ еще годъ или два въ Серахсѣ, пиръ послалъ его къ Абу-'Абдур-Рахману Сулемійскому¹⁷⁾. Абу-Са'идъ прожилъ у этого шейха нѣсколько времени, стремясь къ достиженію вершинъ подвижничества и совершенствуясь въ покорности волѣ Божьей. Онъ настолько снискалъ благоволеніе пира Абу-Абдур-Рахмана, что послѣдній даже подарилъ ему свою хырка¹⁸⁾.

Получивъ позволеніе отъ этого наставника разстаться съ нимъ, Абу-Са'идъ ушелъ съ миромъ отъ 'Абу-Абдур-Рахмана и явился къ пиру Абул-Фазлу; по приказанію послѣдняго возвратился обратно въ Мехене.

сел. Нижнее Чааха до Мехене или, по теперешнему, Мезна, лежащаго въ 48 верстахъ до ближайшей станціи Средне-Азіатской желѣзной дороги „Душакъ“.

¹⁷⁾ Современникъ Абу-Саида, авторъ сочиненія „Разряды учителей и наставниковъ суфійскихъ“ (کتاب طبقات ائمه الصوفیه). Жилъ и скончался (при жизни Абу-Саида) въ Нишанурѣ, гдѣ имѣлъ учениковъ и былъ пиромъ отдѣльнаго ханка („Тайны Единенія“, стр. 48, 145 и 249).

¹⁸⁾ Этотъ подарокъ, какъ аттестатъ на званіе суфія въ полномъ смыслѣ этого слова, имѣлъ для Абу-Саида огромное значеніе: по преданію, эта хырка чрезъ рядъ знаменитыхъ шейховъ-суфіевъ перешла къ Абу-Абдур-Рахману отъ самого Пророка, которому суфіи приписываютъ первоначальное ношеніе хырка; оказавшись достойнымъ этой знаменитой хырка, Абу-Са'идъ, благодаря ей, являлся какъ бы связаннымъ узами преемственности съ тѣми лицами, которые когда-то носили эту одежду.

Здѣсь его жизнь принимаетъ другой оборотъ. Абу-Са'идъ удаляется въ пустыню¹⁹⁾, гдѣ и проводитъ семь лѣтъ, ничего не вкушая, кромѣ травы, и имѣя своими сосѣдями и посѣтителями лишь дикихъ звѣрей. Потребности его настолько притупились, что ни жары, ни холода онъ не чувствовалъ. Однажды въ пустынѣ подулъ необыкновенно холодный вѣтеръ и сильно продрогшій Абу-Са'идъ схватилъ такую жестокую лихорадку, что силы его совершенно истощились. И онъ по необходимости побрелъ къ населеннымъ мѣстамъ.

Дойдя до одной деревни, Абу-Са'идъ увидѣлъ старика, который, разведя огонь, готовилъ себѣ пищу. Обмѣнявшись съ нимъ привѣтствіями, Абу-Са'идъ сказалъ старику:

— Незванный гость является къ вамъ, что ему дѣлать? Примите его съ честью и накормите.

И Абу-Са'идъ остался у гостепріимныхъ людей. Они накормили его и дали ему приютъ, онъ зас-

¹⁹⁾ Причиной этого, по словамъ автора „Тайны Единенія“, была смерть родителей Абу-Саида, послѣдовавшая за это время его пребыванія въ Мехене. Огорченный потерей ихъ, Абу-Саидъ удалился въ пустыню, лежащую „между Мехене, Бавердомъ“, Мервомъ и Серахсомъ“.

Судя по такому опредѣленію положенія этой пустыни, она должна быть тою частью Кара-Кума (Черныхъ Песковъ), которая отдѣляетъ наиболѣе вѣтвущую часть Тедженскаго оазиса отъ Мервскаго.

²⁰⁾ Баверль или Абверль—нѣкогда одинъ изъ значительныхъ городовъ Хорасана. Развалины его лежатъ верстахъ въ 5 отъ станціи „Кааха“ Средне-Азіатской желѣзной дороги, въ Атекскомъ приставствѣ. Большинство ихъ хорошо видно даже изъ вагона, особенно крѣпость съ глинобитными стѣнами; внутри ея до сего времени сохранилась мечеть съ великолѣпными пилрами.

нуль и въ мірѣ снова увидѣть нѣкогого шира, который, поставивъ его на виду у всѣхъ, не велѣлъ ему больше скрываться отъ людей.

—Иди, говорилъ ширъ, по пути общенія съ людьми и ищи себѣ въ этомъ покой, ибо лишь среди людей твое сердце обрѣтетъ безмятежный миръ.

Проснувшись, Абу-Са'идъ послѣдовалъ указанію приснившагося ему руководителя и вернулся опять въ Мехене, открывъ къ себѣ свободный доступъ народу. Послѣдній во множествѣ стекался къ Абу-Са'иду, препоясавшись поясомъ повиновенія и любви. Нравственный авторитетъ Абу-Са'ида былъ такъ великъ, что многіе изъ отличившихся зазорною и худою жизнью, слѣдуя его увѣщаніямъ, переставали грѣшить и чрезъ короткое время стремились даже къ великимъ подвигамъ аскетизма. И разстеливъ коверъ ознакомленія съ Наукой Внѣшней²⁰⁾, Абу-Са'идъ много приносилъ пользы собиравшемуся къ нему народу, пока вторично, по завѣщанію умершаго шира Абул-Фазла²¹⁾, не свернуть этотъ коверъ и не пошелъ въ Амоль²²⁾ къ шейху Абул-'Аббасу²³⁾, ибо, теряя отшедшаго въ вѣчность наставника, Абу-Са'идъ лишился главнаго руково-

²⁰⁾ Т. е. Шарі'атовъ.

²¹⁾ Съ этого мѣста и до прихода Абу-Са'ида въ Амоль изложено по „Тайнамъ Единоенія“ и „Жизни и рѣчахъ старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго“.

²²⁾ Одинъ изъ важныхъ городовъ стараго Мазандерана: нынѣ утратилъ бывшее значеніе и представляетъ незначительный городишко.

²³⁾ Шейхъ Абул-'Аббасъ, по прозванію Қассаби. Амольскій (полное имя его было Ахмель, б. Мухаммель, б. Абул-Керимъ), одинъ изъ знамени-

дителя въ своей духовной жизни, который разрѣшалъ всѣ его сомнѣнія и затрудненія. Поэтому былъ необходимъ выборъ другого шира.

Абу-Са'идъ держалъ путь въ Амоль чрезъ Абнвердъ, Дерей-е-Гезъ²⁴⁾ и Нессу²⁵⁾, которые онъ желалъ посѣтить съ нѣлѣю поклоненія могиламъ раз-

ныхъ шейховъ Амоль и Табаристана, былъ извѣстенъ какъ чудотворецъ и проникательный физиогномистъ: современники признавали его за величайшаго мужа своего вѣка и пока шейхъ Абул-'Аббасъ былъ живъ, многолюдное паломничество къ нему было обычнымъ явленіемъ. („Нефахат-ол-Оне“, стр. 323).

²⁴⁾ Или Деретель въ просторѣчій. Нынѣ одно изъ приграничныхъ въ Закавказской области курдскихъ ханствъ, лежитъ въ Персін, по ту сторону Конетъ-Дага, граница частью съ Асхабадскимъ уѣздомъ, частью съ Телженскимъ. Пространство, занятое этимъ ханствомъ, равно 3650 кв. верстамъ: преобладающимъ элементомъ населенія являются турки (59%), курды составляютъ 32,5% всего населенія, остальная часть.—фарсы. Все населеніе размѣстилось въ 90 деревняхъ. Хорошія климатическія условія, плодородіе почвы и обиліе воды выгодно отличаютъ этотъ округъ отъ другихъ округовъ сѣверо-восточной Персін (Орановскій).

²⁵⁾ Область Неса съ главнымъ городомъ того же имени лежала у подножія сѣверныхъ склоновъ Конетъ-Дага, въ нынѣшнемъ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ. Развалины г. Неса.—и по нынѣ называемыя у туркменъ Нуса,—находятся въ 18 верстахъ отъ Асхабада, около сел. Багиръ и въ 12 верстахъ отъ станціи Средне-Азіатской желѣзной дороги „Безменъ“. Два громадныя,—быть можетъ насыпныя,—холма съ остатками зубчатыхъ стѣнъ и башенъ доминируютъ надъ окрестностью и видны за нѣсколько верстъ. Ближайшая къ горамъ крѣпость почти совсѣмъ сравнялась съ землею. Крѣпость на другомъ холмѣ, выходящемъ на равнину, до сихъ поръ сохранила свои стѣны и башни; внутри ея провалившаяся мѣстами почва обнаруживаетъ толстыя стѣны какихъ то сооружений изъ сырцоваго кирпича: на поверхности земли много черепковъ глиняной и фарфоровой посуды и глазури цвѣтныхъ кирпичей. Съ западной стороны этой крѣпости, видна стѣна, рядъ старыхъ могилъ: на нѣкоторыхъ изъ нихъ уцѣлѣли гробницы. Это „гурестанъ“, мѣста упокоенія многочисленныхъ шейховъ—суфиевъ и ученыхъ Неса, которая въ эпоху своего процвѣтанія славилась въ мусульманскомъ мірѣ обиліемъ этихъ мужей, такъ что городъ называли за это Малою Сирією.

личныхъ шейховъ. Въ этомъ путешествіи его сопровождали: Ахмед-Наджжаръ и Мухаммед-Фазль, землякъ покойнаго пира Абул-Фазла, — ибо происходилъ изъ Серакса, — и ученикъ и другъ Абу-Са'ида.

Въ одной изъ деревень Дерей-е-Геза, Шамехне²⁶⁾, находилась гробница пира Абу-Али; трое путешественниковъ завернули въ эту деревню, чтобы поклониться гробницѣ. Подлѣ нея, на берегу рѣчки, они увидѣли пахавшаго землю мальчика, за которымъ слѣдовалъ пиръ, разбѣвавшій просо. Всякій разъ, какъ онъ обращалъ свое лицо къ гробницѣ, громко вскрикивалъ; видѣ этого пира вселять въ груди трехъ друзей не малый трепетъ.

Наконецъ, окончивъ сѣять, пиръ подошелъ къ Абу-Са'иду и его спутникамъ и, обмѣнявшись привѣтствіями, спросилъ ихъ:

—Облегчите ту душевную тяжесть, которая гнететъ меня!

—Какъ угодно будетъ Богу! отвѣчали они.

Тогда пиръ сказалъ:

—Меня сейчасъ осѣнила мысль: если бы Творецъ (да будетъ Онъ прославленъ и возвеличенъ), творя этотъ міръ, не сотворилъ бы въ немъ ни одного человека, а наполнилъ бы весь міръ отъ востока до запада и отъ небесъ до земли лишь просомъ и сотворилъ бы тогда курницу и сказалъ бы ей: „на каждую тысячу лѣтъ твоей жизни тебѣ пропитаніе—

²⁶⁾ Нанѣ Шахъ-Менѣ, незначительная деревушка, въ которой живеть 6 курдовскихъ семей (30 душъ обою пола) (Орановскій).

одно просиное зерно“, и потомъ сотворилъ бы человека, которому въ грудь вложилъ бы пламень стремленія къ Богу и сказалъ бы ему: „до тѣхъ поръ, пока курница не очиститъ міръ отъ всего проса, ты не достигнешь того, къ чему стремишься, и будешь пребывать въ состояніи экстаза“, —но даже и столь безконечное время казалось бы короткимъ для этого восторженнаго человека.

—И когда услышать я это отъ пира, рассказываетъ Абу-Са'идъ, разрѣшились все мои сомнѣнія и ясна мнѣ стала цѣль моей жизни.

Въ одной изъ деревень, лежащихъ въ двухъ фарсангахъ (17 верстахъ) отъ Пезы, Абу-Са'идъ и его спутники посетили гробницу шейха Али-Мухаммеда изъ Пезы и зашли къ одному пиру-кассабу²⁷⁾. Тотъ сидѣлъ въ своей лавкѣ, прикрытой шкурою, и туши мяса висѣли передъ нимъ. Увидя Абу-Са'ида съ товарищами, пиръ привѣтствовалъ ихъ и затѣмъ послалъ вѣсть за ними одного изъ своихъ учениковъ узнать, гдѣ они остановились.

Черезъ нѣсколько времени пиръ пришелъ къ тремъ друзьямъ, принесъ съ собою шницъ. Когда все закусили, онъ спросилъ своихъ собесѣдниковъ:

—Кому изъ васъ я могу предложить нѣкоторые вопросы?

²⁷⁾ Кассабу—мясникъ; собственное же имя этого пира не сохранено.

Ахмед-Наджжаръ и Мухаммед-Фазль указали на Абу-Са'ида.

— Скажи мнѣ, спросилъ пиръ, въ чемъ заключается служеніе чловѣка передъ Богомъ и мздо-воздаяніе за это послѣдняго первому?

Абу-Са'идъ отвѣтилъ на вопросъ пира, что знаетъ объ этомъ изъ Шар'ата.

— А кромѣ того, что ты сказать, ничего нѣтъ? спросилъ пиръ.

Смущенный Абу-Са'идъ молчалъ.

Тогда пиръ-кассабъ строго посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Не совѣтуйся съ тѣмъ, кого ты навсегда отпустилъ отъ себя! То есть, ты ужъ оставилъ Науку Внѣшнюю, такъ зачѣмъ же обращаться къ ней?²⁸⁾ И затѣмъ прибавилъ:

— До тѣхъ поръ, пока ты не будешь свободенъ отъ нея, ты не можешь служить Богу и пока не будешь Ему работать всѣмъ сердцемъ и всею ду-

²⁸⁾ Это былъ намекъ на слѣдующее событіе въ жизни Абу-Са'ида. Когда Локманъ въ Серахсѣ отвелъ Абу-Са'ида къ пиру Абул-Фазлу, то Абу-Са'идъ подъ влияніемъ послѣдняго вступилъ на путь аскетизма и подвижничества, зарылъ въ землю всѣ тѣ свои книги, которыя онъ до сего времени читалъ и изучалъ, а такъ же и то, что имъ было до этого написано. Ибо книги эти, по собственному признанію Абу-Са'ида, мешали ему заниматься Богомысліемъ, отвлекая отъ Бога и размышленій о Немъ, и въ тоже время не удовлетворяли потребности его духа. И для того, чтобы воспоминанія объ этихъ мертвыхъ друзьяхъ былой жизни навсегда исчезли изъ головы, Абу-Са'идъ построилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ были зарыты книги, хижину и посадилъ вѣтвь мирта, которая скоро принялась и разрослась потомъ въ большое дерево (49—51 стр. „Тайны Единенія“).

шою, тѣ и мзды отъ Него не получишь и блаженства вѣчнаго не достигнешь, о которомъ сказалъ Господь, — да прославится и да возвеличится Онъ, — что *ни одна душа не знаетъ тѣхъ радостей, которыя тайно уготованы для нея за совершенное ею*²⁹⁾.

Въ Амоль Абу-Са'идъ оставался годъ. Въ продолженіе этого времени шейхъ Абул-Аббасъ оказывать ему самую нѣжную любовь и вниманіе, никогда ни въ чемъ не отказывая.

Разсказываютъ, что однажды шейхъ бросилъ себѣ кровь, но по неосторожности порѣзалъ вену, отчего вся рука отъ кисти до локтя обогрилась кровью. Желая ее смыть, шейхъ вышелъ изъ своей кельи, позвать Абу-Са'ида и послать его принести кувшинъ воды. А такъ какъ платье шейха все было замочено кровью, то онъ снялъ его съ себя и переодѣлся въ платье Абу-Са'ида.

Послѣдній же сталъ смывать кровь съ платья шейха, затѣмъ, высушивъ послѣднее, свернулъ и принесъ его къ пиру. Но тотъ сказалъ:

— То, что облекаетъ мое тѣло, удовлетворяетъ меня, а то, что находится на тебѣ, исполнѣе достойно тебя³⁰⁾.

Абу-Са'идъ сказалъ:³¹⁾

— Прощу тебя, надѣнь на меня эту одежду ты

²⁹⁾ Сура 32, стихъ 17.

³⁰⁾ Т. е. твоя одежда пусть остается на мнѣ, ибо свое платье я дарю тебѣ, благодаря твоимъ выдающимся достоинствамъ.

³¹⁾ Все изложенное дальше о хирка и объ идеалахъ суфизма взято изъ „Тайны Единенія“, стр. 54—59.

самъ своею благословенною рукою!

Шейхъ Абул-Аббасъ исполнилъ просьбу Абу-Са'ида и собственными руками надѣлъ на него свою хырка. Такимъ образомъ Абу-Са'идъ очутился владѣльцемъ двухъ хырка.

Но быть можетъ нѣкоторые зададутъ вопросъ, что разъ суфій одѣлся въ хырка какого либо шира, зачѣмъ ему хырка другого шейха? Для сего необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ о значеніи ношенія хырка,—оно слѣдующее.

Если пиръ, идущій по пути Тариката, обладаетъ хырка, то это означаетъ, что онъ вполнѣ постигъ знаніе Шарі'ата, Тариката и Хакиката и результаты этихъ трехъ главныхъ основъ духовной жизни применяетъ къ своему существованію во всей полнотѣ и совершенствѣ ихъ: предъ его духовными очами открыты все степени духовной жизни и постигнуты имъ все стadiи нравственнаго самоусовершенствованія. Такой пиръ чистъ отъ недостатковъ и пороковъ обще-человѣческихъ, ибо ничего уже не осталось въ немъ животнаго и чувственнаго. (Такъ, напримеръ, шейхъ Абул-Хасанъ Хараканскій,²²⁾ — да помилуетъ его Господь Всевышній, — отзывался объ

²²⁾ Одинъ изъ великихъ учителей суфизма (8425 г. Хиджры), пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ у суфіевъ своего времени: онъ былъ ученикомъ крайняго пантеиста, шейха Абу-Бисла-Вистани, и нѣкоторые изъ преченій Абул-Хасана Хараканскаго указываютъ, что онъ былъ достойнымъ послѣдователемъ своего учителя. Такъ, напримеръ, спросили его однажды: «кто такой суфій?»—«Не тотъ суфій, у кого рубище и коврики для молитвы, и не тотъ, кто слѣдуетъ нравамъ и обычаямъ суфіевъ, — суфій тотъ, котораго нѣтъ (т. е. тотъ, который поглотивъ Божествомъ),

Абу-Са'идъ, когда тотъ пришелъ къ нему: „нѣтъ теперь здѣсь ничего человѣческаго, ничего плотскаго: здѣсь теперь только одна Истина, всюду лишь Она одна“).

Если такой умершій для жизни плотской пиръ остановитъ свое вниманіе на комъ либо изъ своихъ учениковъ или послѣдователей и послѣ долгаго наблюденія узнаетъ все мельчайшія черты характера того человѣка, провидитъ очами прозорливости выдающіяся качества его, обнаружитъ, что этотъ человѣкъ способенъ подняться выше степени простаго служенія, что бы занять мѣсто среди избранниковъ Господнихъ, наконецъ, воочію убѣдится, что избранный имъ все больше стремится къ подвигамъ аскетизма и высокой духовной жизни, что бы быть однимъ изъ суфіевъ, — тогда этотъ пиръ*) возлагаетъ руку на голову своего избранника, одѣваетъ на него свою хырка и поясняетъ окружающимъ, что онъ свидѣтельствуетъ передъ ними о выдающихся качествахъ и достоинствахъ этой личности, желающей вступить въ среду суфіевъ.

скавалъ Абул-Хасанъ. Въ другой разъ онъ выразился такъ: „суфій не нуждается ни въ свѣтѣ солнца, ни въ блескѣ луны и звѣздъ: онъ не существуетъ, ибо нѣтъ ему нужды въ его существованіи (т. е. онъ все равно не можетъ существовать отдельно отъ Бога)“—„Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, какъ смотритъ Господь въ сердце мое и кроме Себя Самого не видитъ въ немъ другою, ибо не существуетъ во мнѣ ничего, кроме Бога, и нѣтъ въ груди моей никому мѣста для обитанія, кроме Его“; говорилъ онъ также („Нефахат-ад-Динъ“, 336—338 стр.).

*) Безразлично при этомъ, самъ ли онъ воспиталъ все это въ своемъ ученикѣ или сдѣлалъ это другой руководителемъ духовной жизни.

И если пиръ пользуется расположеніемъ общины и служитъ образцомъ для всѣхъ, то всѣ присутствующіе выражаютъ его словамъ безпрекословное довѣріе, какъ свидѣтельству справедливаго свидѣтеля и приговору правосуднаго судьи, судящаго по Шарі'ату.

Вотъ почему каждаго незнакомаго дервиша, зашедшаго въ ханка суфіевъ или просто вступившаго съ послѣдними въ бесѣду, всегда спрашиваютъ, кто былъ его наставникомъ и изъ рукъ кого онъ получилъ свою хырка. И вопросамъ о пирѣ-руководителѣ и о хырка суфіи придаютъ весьма важное значеніе, ибо въ Тарикатѣ этимъ двумъ главнѣйшимъ факторамъ въ жизни каждаго суфія отводится первое мѣсто и всякаго измѣнившаго завѣтамъ своего наставника—пира и нарушившаго святость хырка, суфіи изгоняютъ вонъ отъ себя и никогда потомъ не принимаютъ въ свою среду.

Говоря о роли пира въ жизни суфіевъ, необходимо замѣтить, что всякій совершенствующійся въ духовной жизни самостоятельно, не имѣя ни пира, ни того, кому вообще можно подражать въ такой жизни, не считается суфіями принадлежащимъ къ ихъ средѣ, хотя бы такой человѣкъ и достигъ высокихъ степеней и вершинъ подвижничества. По поводу этого Абу-Са'идъ между прочимъ, выразился такъ: „кто не учился у учителя, тотъ достоинъ великаго сожалѣнія, ибо если кто и достигаетъ безъ наставника высокаго совершенства въ духовной

жизни, такъ, что ему становятся открытыми всѣ тайны міра, то подобное совершенство духа, достигнутое самимъ собою, ни къ чему не приведетъ“.

Основаніе Тариката есть пиръ, а пиръ среди своихъ учениковъ, какъ пророкъ среди послѣдователей своей религіи, и, идя по пути Тариката самостоятельно, безъ руководства пира, ни до чего не достигнешь; у шейховъ же относительно сего пути найдется многое, чему можно поучиться съ величайшею для себя пользою. Тотъ, кто подпадаетъ подъ обаяніе ихъ поученій и бесѣдъ, увидитъ необычайно плодотворное проявленіе послѣднихъ. Любовь, согревающая и оживляющая эти бесѣды и наставленія пировъ, сдѣлается его искреннимъ другомъ и, благодаря ей, будетъ онъ болѣть душою лишь объ одномъ, чтобы безотлучно находиться въ средѣ шейховъ и безпрестанно молиться у порога пировъ, дабы обрѣсть черезъ нихъ тѣ блага, къ которымъ онъ стремится, ибо проходимая имъ наука никакимъ инымъ путемъ, кромѣ пути любви, не достигается.

„Нѣтъ вѣры по желанію и не существуетъ она съ освобожденіемъ отъ ея обязательности, но чѣмъ либо да обнаруживается присутствіе ея въ сердцѣ человѣка и подтверждается достовѣрность существованія ея дѣлами“²²⁾.

Стихъ: О ты, незнающій, что такое воспламененіе Любовью и что такое пламя Любви.

Знай, что Любовь сама приходитъ, но не является чрезъ изученіе Ея.

²²⁾ Арабскій текстъ въ оригиналѣ.

И ни кто не смѣетъ сказать, что-де въ наше время нѣтъ уже такого пира, который былъ бы воплощеннымъ Закономъ, а изъ шейховъ нѣтъ такихъ, которые достойно подражаютъ бывшимъ до сего времени: такія слова подчеркиваютъ лишь не-радивость и безпечность разсуждающаго такимъ образомъ дервиша, у котораго *баракомъ*³⁴⁾ служить лишь подобнаго рода пустословіе, а Любовью такая, ни на чемъ неоснованная, самонадѣянность.

Вспомнимъ слова того же Абул-Хасана Хараканскаго. „Прежде чѣмъ идти по пути Тариката, говоритъ онъ, необходимо сдѣлать двѣ вещи: взять себѣ наставника и вознестись горѣ. Я много размышлялъ объ этомъ и не легко мнѣ все это досталось, но Всевышній Богъ сдѣлалъ такъ, что въ то время, когда я мучился надъ разрѣшеніемъ этой проблемы, Онъ послалъ мнѣ нужнаго мужа-руководителя изъ послѣдователей Имама Шаф’и, чтобы тотъ разрѣшилъ мои затрудненія. И семьдесятъ три года я жилъ въ Богѣ, строго наблюдая, чтобы ни одно поклоненіе Ему не совершилось противно даннымъ Имъ заповѣдямъ и чтобы ни одинъ вздохъ не вырвался у меня о тѣхъ или другихъ чувственныхъ удовольствіяхъ. Въ горняя же восходилъ такъ: все, что лежитъ между девятымъ небомъ,—престоломъ Господнимъ,—и поверхностью земли, мною

³⁴⁾ *Баракъ*—сукно изъ верблюжьей шерсти, изъ котораго дервиши шьютъ себѣ одежду и шапки; вообще платье дервишей.

проходилось въ одно мгновеніе,³⁵⁾ ибо любовь моя была истинна и искренне было желаніе пожать плоды духовной жизни“.

Главнѣйшая же особенность суфиевъ есть та, что всѣ они, какъ одинъ и каждый изъ нихъ—какъ всѣ остальные. Между всѣми суфіями міра нѣтъ никакого различія, нѣтъ уклоненія отъ общаго ихъ міросозерцанія и всякій истинный суфій ничѣмъ не отличается отъ другого подобнаго ему (разумѣется, подъ эту категорію настоящихъ суфиевъ не можетъ подходить тотъ, кто суфій только по внѣшности, а не въ сердцѣ). Если кто либо получилъ отъ того или другого пира первый разъ въ жизни хырка, эту хырка называютъ *главною, самою существенною*. Хырка же, полученная отъ другого пира, называется просто *благословенная, подаренная хырка*. И когда вникнешь въ сущность того, что всѣ суфіи, какъ одинъ, одинаково смотрятъ на вещи, одинаково познаютъ природу вещей, если одинъ остановитъ свой выборъ на чемъ либо, значить и другіе одобрили это, если кто отвергъ что либо, то и другіе избѣгаютъ этого,—тогда понятнымъ станетъ, что хырка совершенно одинаковы по значенію; и тотъ, кто имѣетъ двѣ хырка, значить, онъ въ этихъ хырка, возложенныхъ на него, благодаря его достоинствамъ, благословенными руками шейховъ, имѣетъ два эквивалента одной и той же вещи.

³⁵⁾ Т. е. я могъ въ мигъ забывать все земное и возноситься сердцемъ и душою къ Богу.

Такимъ образомъ, когда вполнѣ уяснишь сущность всего изложеннаго, не останется никакого сомнѣнія, что всѣ пиры міра и всѣ истинные суфій совершенно одинаковы и всѣ ихъ качества и свойства не могутъ быть двойственными. Изъ такого же единенія религіозныхъ взглядовъ и общности ихъ умственныхъ интересовъ проистекаетъ и одинаковость того, къ чему стремятся и чему поклоняются всѣ суфій. Она же есть Высшая Истина (да возвеличится слава Ея и да святится имя Ея!), Которая не имѣетъ себѣ подобной среди всего бытія и Которую никоимъ образомъ нельзя представить въ двойственномъ видѣ.

Когда суфій, идущіе по пути Тариката различными путями, отличающимися между собою лишь внѣшними признаками, достигаютъ общей цѣли своихъ стремленій, они всѣ становятся одинаковыми во всемъ. До тѣхъ же поръ, пока у идущаго путемъ Тариката остается хоть что нибудь чувственное, человеческое, онъ не можетъ достигнуть Хакиката. И различныя проявленія дервишества (напримѣръ: круженіе, юродство и т. п.), которыя свойственны тѣмъ или другимъ послѣдователямъ суфійскаго мистицизма, исчезаютъ совершенно, когда путники духовной дороги достигаютъ вождѣльной цѣли своихъ стремленій и, соединяясь съ Истиной, составляютъ одно нераздѣльное съ нею. Благодаря этому то обстоятельству одни изъ шейховъ-суфіевъ повторяли: „хвала мнѣ (вмѣсто „хвала Богу“)!“ дру-

гіе: „я—Истина!“ А нашъ шейхъ Абу-Са'идъ говаривалъ: „нѣтъ въ моемъ платьѣ никого, кромѣ Бога!“ То есть, это свидѣтельствуеетъ, что говорившіе такъ суфій уже вошли въ единеніе съ Истиною, слились съ Нею.

До тѣхъ же поръ, пока искатель Истины только идетъ по пути къ Ней и не достигъ Ея, онъ не можетъ быть пиромъ, ибо самъ еще нуждается въ наставникѣ, который бы руководилъ имъ и направляли его къ конечной цѣли его стремленій. Когда же идущій путемъ Тариката достигнетъ Того, къ Кому стремился и обрѣтетъ въ себѣ благодать пира, значитъ онъ погрузился въ бытіе Того, гдѣ не существуетъ ничего плотскаго и земнаго.

Большинство словъ шейховъ-суфіевъ относительно достиженія высшихъ идеаловъ суфизма выражаетъ совершенно одинаковые взгляды на этотъ предметъ, поэтому несомнѣнно, что разъ идеалы и убѣжденія у всѣхъ суфіевъ одни и тѣ же, то одинаково и значеніе хырка у всѣхъ ихъ. Кто же говоритъ, что нельзя одѣвать хырка двухъ пировъ, значитъ, тотъ еще не принадлежитъ къ истиннымъ суфіямъ и не знаетъ, и не понимаетъ, что значитъ нераздѣльность съ Истиною. Ибо подобно косоглазому, у котораго дwoятся въ глазахъ предметы, видить въ хырка двухъ пировъ двѣ разныхъ благодати. Такой человекъ, слѣдовательно, не имѣетъ никакого представленія о задачахъ подвижничества шейховъ-суфіевъ и объ ихъ вождѣльныхъ стремленіяхъ. Но

когда у него откроются глаза и онъ посмотритъ на этотъ мiръ просвѣтленными очами, тогда найдетъ подтвержденiе изложенному.

Тотъ же, кто утверждаетъ, что не слѣдуетъ принимать вторую хырка, разъ первая хырка не действительна, приходитъ къ ошибочному заключенiю, что ни ту, ни другую хырка нельзя надѣвать. Отъ такихъ же разсужденiй, конечно, Боже сохрани!

Абу-Са'идъ, взявъ платье шейха, прошелъ въ свою келью. На другой день утромъ, когда ученики Абул-'Аббаса встали и увидѣли платье своего пира на Абу-Са'идѣ, весьма удивились. Шейхъ съ внутреннимъ удовольствiемъ замѣтивъ ихъ изумленiе, сказалъ:

— Судьба была благоприятна къ этому молодому мехенейцу, да будетъ же онъ счастливъ!

„Послѣ того, какъ я пробылъ годъ у Абул-'Аббаса, рассказываетъ о себѣ Абу-Са'идъ, пиръ приказалъ вернуться мнѣ въ Мехене, гдѣ я былъ необходимъ какъ руководитель и наставникъ людей. Я послѣдовалъ этому приказанiю и пошелъ опять въ Мехене. И все, что мнѣ приказалъ Абул-'Аббасъ, я свято выполнялъ тамъ“.

Изъ Мехене Абу-Са'идъ впоследствии переселился въ Нишапуръ. Проходя по этому городу, онъ дошелъ до одной изъ улицъ и спросилъ, какъ она называется. Ему сказали:

— „Улица Друга“.

— Отъ улицы Друга нельзя уходить, замѣтилъ

Абу-Са'идъ и остался въ этомъ мѣстѣ, построивъ себѣ жилище, въ которомъ и жилъ до самой смерти.

Изъ его нишапурской жизни, между прочимъ, существуетъ слѣдующий разсказъ.

Былъ въ Мервѣ нѣкто изъ шейховъ Маверан-Нахра, котораго звали Мухаммед-Хабиби²⁶⁾. Онъ никогда не видѣлъ шейха Абу-Са'ида. И вотъ въ то время, какъ Хадже-Абу-Бекр-Хатибъ, одинъ изъ имамовъ Мерва, знавшій Абу-Са'ида по медресе Коффала²⁷⁾, собрался по своимъ дѣламъ въ Нишапуръ, Мухаммед-Хабиби пришелъ къ нему.

— Мнѣ очень интересно, сказалъ онъ, разъяснить одинъ вопросъ и потому я хотѣлъ бы, чтобы ты спросилъ объ этомъ Шейха Абу-Са'ида, но такъ, чтобы тотъ не зналъ, что это спрашиваю я. Именно, когда ты приѣдешь въ Нишапуръ и придеши къ шейху, спроси его: могутъ ли совершенно исчезать естественные, природные признаки, свойственные человѣку?.

— Боюсь, какъ бы мнѣ не забыть того, что ты просишь спросить, отвѣчалъ Хадже-Хатибъ.

Мухаммед-Хабибъ записалъ вопросъ и отдалъ написанное Абу-Бекр-Хатибу. Но предоставимъ здѣсь слово послѣднему.

²⁶⁾ Въ „Тайнахъ Единенiя“ (стр. 117) имя этого шейха—Мухаммед-Абу-Насръ. (sic) (محمد بن نصر حنفی). Онъ былъ изъ числа тѣхъ суфiевъ, которые бѣжали въ Мерв изъ Заръчъя, спасаясь отъ меча турка Богра-Хана, князя Туркестана.

²⁷⁾ Онъ былъ товарищемъ Абу-Са'ида, такъ какъ оба они учились вмѣстѣ у мервскаго шейха Коффала (ibidem).

«Когда я достигъ Нишапура, то остановился въ одномъ изъ караванъ-сараевъ. Едва успѣлъ разобратъся, какъ пришли какіе то два человѣка и спросили:

— Кто здѣсь Абу-Бекр-Хатибъ, прибывшій съ караваномъ изъ Мерва?

Я откликнулся на ихъ опросъ и позвать ихъ къ себѣ. Они подошли ко мнѣ и сказали:

— Шейхъ Абу-Са'идъ шлетъ тебѣ привѣтъ и проситъ тебя быть его гостемъ.

Я весьма удивился, услышавъ это, ибо навѣрно зналъ, что ни кто не успѣлъ извѣстить обо мнѣ такъ скоро шейха. Сказавъ о себѣ что было нужно, и пообѣщавшись быть у Абу-Са'ида, я пошелъ въ баню. Выйдя оттуда, я увидѣлъ тѣхъ же двухъ людей шейха; они ложились меня, держа въ рукахъ алое и розовую воду²⁸⁾.

— Шейхъ ждетъ, сказали они. И, разговаривая, мы поспѣшили всѣ вмѣстѣ къ Абу-Са'иду.

Когда послѣдній увидѣлъ меня, то произнесъ по арабски слѣдующее двустиніе:

— Добро пожаловать, желанный мой, посланецъ милый:

— Зрѣть лицо посла пріятнѣе, чѣмъ лицо посланца!

²⁸⁾ Чтобы осыпать ароматнымъ алое и опрыскать розовою водою вымывавшагося Абу-Бекр-Хатиба. Это былъ, повидимому, знакъ чрезвычайнаго вниманія Абу-Са'ида къ мервскому гостю: по отношенію къ особо почитаемымъ гостямъ такого рода обычай и понынѣ еще въ ходу въ Персіи и Бухарѣ.

И потомъ добавить:

— Если для тебя порученіе шира Мухаммед-Хатиби не имѣетъ значенія, то для меня оно драгоцѣнно. И въ то время, какъ ты вынешь изъ Мерва, я съ нетерпѣніемъ считать всѣ тѣ станицы, которыя ты проходишь на своемъ пути. Теперь скажи мнѣ, что тебѣ говорить тотъ ширъ?

Я же, охваченный благоговѣніемъ къ шейху, совсѣмъ забылъ вопросъ, который поручилъ мнѣ выяснить Мухаммед-Хатиби. И, доставъ бумажку, на которой мнѣ записалъ его Мухаммед-Хатиби, вручилъ шейху.

— Если я тебѣ скажу на это отвѣтъ теперь, сказать мнѣ Абу-Са'идъ, то возможно, что ты его забудешь и потому лучше я сообщу свой отвѣтъ передъ отъѣздомъ твоимъ въ Мервъ.

И пока я жилъ въ Нишапурѣ, каждый вечеръ пользовался гостепримствомъ шейха. Когда же настало время возвращенія моего въ Мервъ, я попросилъ у шейха отвѣтъ шира Мухаммед-Хатиби.

— Скажи ширю, замѣтилъ Абу-Са'идъ, если личность перестаетъ существовать, то какъ же останется ея проявленіе?

Я опустилъ голову и сказалъ:

— Не понимаю.

— Этого нельзя объяснить словами, возразилъ шейхъ. Запомни лучше слѣдующее четверостиніе и передай его ширю Мухаммед-Хатиби:

Все тѣло стало слезою и вышло чрезъ очи
Изъ за любви къ Тебѣ. Безъ тѣла слѣдуетъ ли
жить?

Отъ меня ничего не осталось, откуда же явится
проявленіе моей любви?

Когда я солюсь съ Возлюбленнымъ моимъ, кто
же будетъ любовникомъ?

По моей просьбѣ шейхъ записалъ эти стихи.

И только что я успѣлъ прибыть въ Мервъ, въ тотъ же моментъ пиръ Мухаммед-Хабиби пришелъ ко мнѣ. Я рассказалъ ему обо всемъ, что было со мною въ Нишапурѣ и прочелъ ему четверостишіе шейха Абу-Са'ида. Едва онъ выслушалъ эти стихи, какъ вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ. Его вынесли вонъ, а чрезъ семь дней послѣ этого состоялись его похороны²⁹⁾.

Однажды Абу-Са'ида попросили объяснить слѣдующее выраженіе: *размышленіе о Богѣ въ теченіе часа лучше, чѣмъ молитва Ему въ теченіе года*³⁰⁾.

—Размышленіе о Немъ хотя бы и краткое, но съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ міра и самого себя лучше, чѣмъ поклоненіе Ему въ теченіе цѣлаго года при полномъ сознаніи своего существованія, отвѣчалъ онъ и прибавилъ:

Съ тѣхъ поръ, какъ я Тебя увидѣлъ, Свѣтиль-
никъ мой прекрасный,

Я ничего не дѣлаю, не поцусь и не молюсь:

²⁹⁾ Въ одномъ изъ халисовъ.

Когда съ Тобою бываю, то всѣ мои дѣянія и
поступки есть молитва,

Когда же я вдали Тебя, то мои молитвы есть
ничто!

Однажды одинъ изъ учениковъ шейха сказалъ
ему:

—Такой-то ходитъ по водѣ.

—Это возможно: лягушка также ходитъ, отвѣчалъ
Абу-Са'идъ.

Иногда ему говорили:

—Такой то суфій летаетъ по воздуху.

—Муха также летаетъ, говорилъ онъ въ отвѣтъ.

—Такой то мудрецъ въ одинъ мигъ переносится
изъ одного города въ другой.

—И въ этомъ не вижу совершенства, ибо и са-
тана въ одинъ мигъ можетъ совершить путешествіе
отъ востока къ западу.

Много есть въ мірѣ послѣдователей Истины, ко-
торые не бѣгутъ отъ людей и не пренебрегаютъ дѣ-
лами житейскими, женятся и производятъ дѣтей, но
вмѣстѣ съ тѣмъ ни на одну минуту не забываютъ о
Богѣ.

Спросили также однажды шейха:

—А что такое суфизмъ?

—Управленіе плотскими желаніями, исполненіе
заповѣдей Господнихъ, которыя ты имѣешь на своей
отвѣтственности, и не уклоненіе отъ всего злого,
которое идетъ къ тебѣ, отвѣчалъ Абу-Са'идъ.

Также шейхъ сказалъ однажды:

— Не можетъ исчезнуть существующее общеніе между Творцомъ и тварями Его и потому себялюбіе, которое препятствуетъ такому общенію, исторгни изъ сердца, чтобы быть тебѣ близкимъ къ Богу.

Относительно молитвы къ Богу шейхъ Абу-Са'идъ замѣтилъ, что необходимо вспоминать Всевышняго ежесекундно такъ, чтобы это памятованіе о Немъ исключало всякіе другіе помыслы. И при этомъ прибавилъ:

— Однажды пришелъ къ нѣкому шру юноша и спрашиваетъ его: „я хочу спросить тебя“...

— Все, что не относится до Истины, то не заслуживаетъ никакого вниманія, а если ты хочешь узнать о Ней, то этого невозможно выразить словами, ибо *по истинѣ Всевышній Богъ выше того, чтобы быть описаннымъ словами или быть прославленнымъ въ молитвѣ*, отвѣчалъ шръ.

Однажды нѣкто долгое время выражалъ предъ шейхомъ желаніе отправиться въ Багдадъ. Абу-Са'идъ спросилъ его:

— Когда ты придешь въ Багдадъ и тебя спросятъ: „что ты видѣлъ особенное въ Хорасанѣ и какую получилъ пользу, живя тамъ“, то что ты скажешь на это?

— Какъ ты прикажешь, такъ я и отвѣчу, сказалъ спрашивающій.

— Когда тебѣ зададутъ такой вопросъ, отвѣть слѣдующимъ арабскимъ четверостишіемъ:

Спросили меня: „есть ли что въ Хорасанѣ?

Видь нѣтъ въ немъ ничего хорошаго!“

Я отвѣтилъ: „не отрицайте прелестей Хорасана, ибо изъ Хорасана восходитъ солнце“⁴⁰⁾.

А если не знаешь по арабски, то прочти по персидски такъ:

Зелень, рай и весна изъ тебя происходятъ,
о, Хорасанъ!

И то, что заслуживаетъ вѣчнаго воспоминанья,
все исходитъ изъ тебя, о, Хорасанъ!

Прекрасные, обольстительные духи происходятъ,
изъ тебя, о, Хорасанъ!

Наконецъ, лучшіе дни Ирана также связаны
съ тобою, о, Хорасанъ!

⁴⁰⁾ Заключительный стихъ этого четверостишія, соответствующій латинскому наречію *lux ex oriente*, можно понять и въ буквальномъ смыслѣ и въ переносномъ, именно, если вѣрить выдержкамъ или мало извѣстной въ Европѣ книги „Шаре-Наме“⁴¹⁾ словомъ *хорасан* въ староперсидскомъ языкѣ обозначался *востокъ* и потому всѣ провинціи, лежащія на востокъ отъ Истахра, носили общее названіе *Хорасанъ*, т. е. восточная страна. Такимъ образомъ Хорасанъ, какъ востокъ, естественно считался мѣстомъ восхода солнца. Наконецъ, какъ утѣвленный центръ Персін, Хорасанъ сыгралъ выдающуюся роль въ интеллектуальной жизни страны: масса поэтовъ и различныхъ ученыхъ происходила изъ Хорасана, создалась по поволу сего даже арабская поговорка „наука—дерево, корень котораго въ Меккѣ, а плоды—въ Хорасанѣ“, и просвѣтительное значеніе Хорасана, для Персін въ частности и для мусульманскаго міра вообще всегда и вѣми сознавалось.

⁴¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать съ трудомъ Хаджи-Мирза-Хасана, б. Мирза-Хасан-Ширази, „Фаре-Намей-е-Насери“, который представляетъ историко-географическое описаніе Фарсестана, изданное въ Тегеранѣ въ 1312 г. Хиджры.

Ссылки на „Шаре-Наме“, исторію происхожденія персовъ и образованія персидскаго государства, находятся между прочимъ, въ предисловіяхъ къ „Ферхенг-е-Джехангири“, „Борхан-э-Катъ“ и др. толковымъ словарямъ персидскаго языка.

Пишутъ, что шейхъ Абу-Са'идъ до сорока лѣтъ велъ безусловно цѣломудренную жизнь, послѣ же женился и имѣлъ дѣтей. Во дни своей жизни пользовался величайшимъ почетомъ со стороны знавшихъ его. Очень многіе отовсюду искали чести быть извѣстными ему: сильные и великіе міра сего записывали предъ нимъ, посылая ему различные подарки, ученые всѣхъ родовъ наукъ считали его величайшимъ авторитетомъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и присылали ему свои сочиненія, которыя Абу-Са'идъ и возвращалъ имъ обратно съ своими замѣтками и заключеніями.

Разсказываютъ, что шейхъ вступилъ однажды въ споръ съ Абу-Ре'исомъ⁴¹⁾ А надобно замѣтить, что Абу-Са'идъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые познаютъ свойства вещей даромъ прозорливости, Абу-Ре'исъ же принадлежалъ къ послѣдователямъ „многходящихъ“⁴²⁾ и сторонникамъ точныхъ и очевидныхъ доказательствъ познанія сущности вещей.

Абу-Са'идъ говорилъ Абу-Ре'ису:

—Центръ вашихъ доказательствъ зиждется на принятіи и отверженіи (смотря по ходу разсужденій) перваго положенія изъ четырехъ основныхъ положеній логики Аристотеля, на которомъ, собственно, и основываются всѣ логическіе выводы.

⁴¹⁾ Ибн-Сина, у европейцевъ болѣе извѣстный подъ именемъ Авиценны, знаменитый ученый (родомъ изъ Зарѣчья, изъ сел. Эфрене близъ Бухары) и государственный дѣятель, умъ котораго обнималъ едва ли не всѣ науки тогдашняго времени: онъ былъ поэтъ, врачъ, физикъ, математикъ, алхимикъ, музыкантъ и философъ.

⁴²⁾ Т. е. аристотеликовъ.

Дѣло въ томъ, что наука объ умозаключеніяхъ основана на сущности второй (большой) посылки, заключающей въ себѣ обыкновенно не подлежащую сомнѣнію истину; безъ этой же посылки умозаключеніе будетъ не достаточно. Напримѣръ, если кто либо изъ сторонниковъ точнаго логическаго мышленія пожелаетъ доказать, что *человѣкъ тѣлесенъ*, онъ разсуждаетъ такъ: *человѣкъ есть животное, животное—тѣлесно, следовательно и человѣкъ—тѣлесенъ*. Этотъ логическій выводъ всецѣло опирается на сущность большой посылки (*животное—тѣлесно*), но до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ знать о тѣлесности *человѣка, который есть родъ животного, не можемъ сурить о томъ, что всякое животное—тѣлесно*⁴³⁾.

⁴³⁾ Въ арабско-персидской логикѣ для каждаго полнаго умозаключенія необходимы двѣ посылки. Первая называется *софра* (малая), ибо основана на понятіи, охватывающемъ небольшой, частичный рядъ предметовъ, причемъ, подлежащее въ *софра* является подлежащимъ и въ умозаключеніи, ибо последнее обуславливаетъ собою представленіе о единичномъ, частичномъ понятіи среди цѣлага ряда однородныхъ съ нимъ предметовъ. *Кобра* (большая, главная посылка) называется такъ потому, что заключаетъ главнѣйшее основаніе для умозаключенія или силлогизма (*животное же—тѣлесно* сказуемое въ *кобра* является также сказуемымъ и въ умозаключеніи. Напримѣръ, въ силлогизмѣ, приведенномъ Абу-Са'идомъ, *всякій человѣкъ—животное, животное же—тѣлесно*, следовательно и *всякій человѣкъ—тѣлесенъ*,—положеніе *всякій человѣкъ—животное* есть *софра*, *животное же—тѣлесно* есть *кобра*, умозаключеніе, вытекающее изъ этихъ двухъ посылокъ—*всякій человѣкъ—тѣлесенъ*.

Сказуемое первой посылки и подлежащее второй (въ данномъ примѣрѣ *животное*), заключающая одинаковыя слова, называется *ха'д-э-васит*: безъ *ха'д-э-васит* не мыслимъ ни одинъ совершенный силлогизмъ.

Слово *человѣкъ* въ приведенномъ Абу-Са'идомъ умозаключеніи является понятіемъ, обнимающимъ извѣстный классъ однородныхъ предметовъ, понятіе же о *тѣлесности* обнимаетъ широкій рядъ предметовъ болѣе разно-

Въ отвѣтъ на это Абу-Ре'исъ возразилъ:

—Все, что ты сказалъ,—правда и пока *такъ* не будетъ доказана тѣлесность человѣка, нельзя вывести заключенія о тѣлесности животныхъ вообще. Но дѣло въ томъ, что есть разница между недостаточно обоснованнымъ познаніемъ вещей и между точными и опредѣленными выводами, именно: знаніе, которое содержится въ умозаключеніи, вытекающемъ изъ малой и большой посылокъ, заключаетъ истину точную и въ достаточной степени обоснованную въ сравненіи съ положеніемъ, заключающимся въ одной большой послѣдкѣ. Положеніе, содержащееся въ послѣдней, основываясь на данныхъ, охватывающихъ *небольшое*, подчиненное *главнѣйшему*, заключаетъ истину недостаточно полно обоснованную. Въ этомъ собственно и состоитъ разница между второю посылкою и полнымъ силлогизмомъ. И вотъ тебѣ доказательство неправильности твоихъ

образныхъ (люди и животныя), чѣмъ первое понятіе. Весь же логическій выводъ выражаетъ ту мысль, что понятіе о тѣлесности не связано вообще съ понятіемъ о человѣкѣ, ибо *тѣлесность* или *осязаемость* обнимаетъ и неорганическіе предметы, и растенія, и животныя.

Примѣры четырехъ логическихъ положеній, о которыхъ упоминаетъ Абу-Са'идъ, можно охарактеризовать слѣдующими четырьмя примѣрами-умозаключеніями:

Положеніе первое. Всякій человѣкъ—животное, животное-же—тѣлесно, следовательно, и всякій человѣкъ—тѣлесенъ.

Положеніе второе. Всякій человѣкъ животное, для животнаго же ничто не запрещено, следовательно, и для человѣка нѣтъ ничего запрещеннаго.

Положеніе третье. Всякій человѣкъ—животное и всякій человѣкъ смѣется, следовательно, и нѣкоторыя животныя могутъ смѣяться.

Положеніе четвертое. Всякій человѣкъ—животное, всякое же существо, одаренное рѣчью—человѣкъ, следовательно, нѣкоторыя животныя могутъ быть одарены рѣчью.

разсужденій: въ силлогизмѣ, сочиненномъ тобою, конецъ первой посылки и начало второй не заключаютъ одинаковыхъ словъ⁴¹⁾.

Абу-Са'идъ взялъ загѣмъ чашку и подбросилъ ее въ верхъ; она повисла въ воздухѣ. Абу-Са'идъ посмотрѣлъ на Абу-Ре'иса и сказалъ:

—Вотъ вы, согласно законамъ физики, разсуждаете, что все тѣла стремятся къ своимъ центрамъ, почему же эта чашка виситъ въ воздухѣ и не стремится внизъ?

—Физическій законъ, о которомъ ты упомянулъ, относится къ тѣмъ тѣламъ, которымъ ничто не мѣшаетъ стремиться къ ихъ центрамъ, а эта чашка удерживается въ воздухѣ твоею волею и потому не можетъ упасть на землю, возразилъ Абу-Ре'исъ.

Когда послѣдній вышелъ отъ Абу-Са'ида, ученики спросили своего учителя объ Ибн-Сена. Абу-Са'идъ сказалъ:

—Все, что я вижу открытыми очами и иду по жизненной дорогѣ съ зажженнымъ свѣтильникомъ, этотъ слѣпецъ, оцупывающій путь посохомъ⁴²⁾, все-таки идетъ правильно по моимъ стопамъ.

Разсказываютъ, что когда пришло Абу-Са'иду время отправиться къ Другу и онъ почувствовалъ, что пора переменить одежду тлѣннаго міра на ризы вѣчности, сказалъ своимъ ученикамъ:

⁴¹⁾ Т. е. въ силлогизмѣ Абу-Са'ида пока мы не будемъ и т. д. *хадд-э-ва-сам* отсутствуетъ.

⁴²⁾ Понимать, конечно, слѣдуетъ какъ метафору, ибо Авицена не былъ слѣпымъ.

—Знаменія смерти уже ясны для меня. Оставляю вамъ въ наслѣдіе четыре вещи: *подметаніе, омовеніе, бестю и исканіе*⁴⁶⁾.

И, опустивъ голову, заплакалъ, заплакали и всѣ окружающіе. Затѣмъ приказалъ привести мула, сѣлъ на него и отправился въ свой ханка; тамъ, сказавъ окружающимъ его послѣднее прости, произнесъ слѣдующее четверостишіе:

Что бываетъ лучше въ мірѣ этого,
Когда другъ идетъ ко Другу и пріятель ко
Пріятелю?

Здѣсь печаль была, тамъ же—радость,
Здѣсь бесѣды только были, тамъ—дѣла!

И въ тотъ же день шейхъ заболѣлъ и въ ночь съ четверга на пятницу, въ четвертый день мѣсяца Ша'бана, въ 440 году Хиджры, скончался. Дней его жизни было тысячу мѣсяцев⁴⁷⁾. Погребенъ въ Нишапурѣ, хотя въ другихъ книгахъ имѣются указанія, что въ день своей смерти Абу-Са'идъ находился въ Мехене, гдѣ и похороненъ.

⁴⁶⁾ Т. е. постепенное искорененіе дурныхъ наклонностей, очищеніе себя отъ всего чувственнаго и грѣховнаго, слова и рѣчи, направленныя къ прославленію только Бога, и, наконецъ, исканіе Бога во всѣхъ его проявленіяхъ.

⁴⁷⁾ См. примѣчаніе 3-е.

ЧЕТВЕРОСТИШІЯ,

приписываемыя шейху Абу-
Са'иду Мехенейскому.

1.

Если Ты прикажешь, не нуженъ станеть мнѣ этотъ и равнодушень я буду къ благамъ его и страданьямъ; если Ты велишь—на огнѣ я сгорю, если Ты прикажешь—душу свою я готовъ положить за Тебя.

2.

Не мучь сердца, для котораго Ты—душа и тайная и явная его возлюбленная! Я страшусь, какъ бы отъ оскорбленья Тебя не превратилось въ кровь это сердце, ибо вѣдь Ты въ немъ обитаешь!

3.

О Ты, Которому знакомо состояніе удрученнаго сердца и положеніе безвыходной безпомощности, если я пламенно взываю къ Тебѣ, Ты слышишь, если даже словами не высказываю горестъ свою, она извѣстна Тебѣ!

4.

Путь къ Тебѣ, какъ бы по немъ не идти, и единенье съ Тобою, какъ бы его не достигнуть,—прекрасны! Какими бы очами не созерцалось лицо Твое—оно прекрасно и на какомъ бы языкѣ ни произносилось имя Твое—оно прекрасно!

5.

Героя, который стремится получить вѣнецъ мученической на полѣ брани, превосходить тотъ, кто ищетъ мученичества за Любовь. Въ День Возстанія мертвыхъ можетъ ли первый походить на второго, ибо одинъ убить врагомъ, второй же сраженъ Любовью?

6.

Въ тотъ день, когда перестанутъ существовать всѣ шесть пространствъ⁴⁸⁾, познаешь Ты по степени своего достоинства. Въ День Возмездія, когда будутъ приводиться въ извѣстность добрыя дѣла, явишься ты человѣкъ, въ томъ видѣ, который наиболѣе подходилъ къ тебѣ на землѣ⁴⁹⁾.

7.

Кромѣ, какъ по пути Любви, къ Тебѣ не двигается сердце и не ищетъ оно ничего никогда, кромѣ горестей и страданья изъ-за Тебя! Равнины сердца моего изъ-за любви къ Тебѣ сдѣлались безплодными солончаками, дабы ничья любовь во вѣки не гуляла въ нихъ.

9.

Стала сребровидной атмосфера и украсилась равнина, приди о, другъ, и не обращай на то вниманья, что прошло! Если честенъ ты,—вотъ тебѣ и сердце, и душа; если-жъ вѣроломъ ты,—вотъ тебѣ голова и тазъ!⁵⁰⁾

⁴⁸⁾ Т. е. высота, низъ, направленіе вправо, направленіе влѣво, направленіе впередъ и направленіе назадъ.

⁴⁹⁾ По вѣрованію многихъ мусульманъ, въ день Страшнаго Суда каждый человѣкъ предстанетъ предъ престоломъ Божьимъ въ образѣ того животнаго, инстинктамъ и наклонностямъ котораго онъ сдѣловалъ во время своей жизни на землѣ.

⁵⁰⁾ Т. е. ты можешь струбить мнѣ голову (а чтобы кровь не пролилась на землю, вотъ тебѣ тазъ).

Важнѣйшія опечатки.

Стран.	Строка	Напечатано	Читай
VII	9 снизу	Беда'и-ол-Энша	Бедаи'ол-Энша
5	9 сверху	юриспруденцій	юриспруденціи
9	6 снизу	..Атеш-Калайэ-Азер"	Атеш-Келей-е-Азер"
"	"	Хорасана Мишинъ	Хорасана (Мишинъ)
"	8 "	Рохна и Чехча	Рохне и Чехче
15	15 сверху	въ За-	съ За-
23	3 снизу	пламя Любви,	пламя Любви,
"	1 "	изученіе Ея.	изученіе Ея!
24	1 сверху	И ни кто	И никто
25	10 снизу	значить	значить
29	5 "	Насръ (sic) (محمد بو نصر حنفی)	Насръ (sic!) محمد بو نصر حنفی
30	11 сверху	ни кто	никто
"	34 снизу	вымывавшася	вымывавшася